

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 4 (52)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2018

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 4 (52). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 152 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Груздинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневецкий –
д.филол.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПБУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (ННГУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледаева – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Иваньковский С.Л., Гриневич Ю.А.</i> Оценка научно-инновационного развития Нижегородской области	7
<i>Костригин Р.В., Яшин С.Н.</i> Применение модели множественной регрессии для оценки экономического развития территориальных кластеров Нижегородской области	15
<i>Мансуров Р.Е.</i> Техничко-экономический анализ возможностей свеклосахарного подкомплекса Нижегородской области по выработке биогаза.....	23
<i>Трофимов О.В., Костырев А.П., Стрелкова Л.В., Макушева Ю.А.</i> Взаимосвязь научно-технической, промышленной и инновационной политики на федеральном и региональном уровнях	30
<i>Фролов В.Г., Захаров В.Я., Каминченко Д.И., Павлова А.А.</i> Системные эффекты развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0»	40

Социологические науки

<i>Аникеева О.А., Сизикова В.В., Фомина С.Н.</i> Игровые технологии в профессиональном обучении специалистов социальной сферы: специфика, потенциал, алгоритм организации.....	48
<i>Майорова-Щеглова С.Н.</i> Социальные факторы, влияющие на деструктивность детско-родительских отношений в современных семьях с подростками.....	55
<i>Колесникова Е.М.</i> Российские учителя и воспитатели: особенности «женской» занятости и внутрипрофессиональная дифференциация.....	62
<i>Полянина А.К.</i> Исследование моделей фильтрации вредной для детей информации на основе сравнения подходов, используемых в зарубежных странах.....	70
<i>Птицына Н.А.</i> Освоение пожилыми людьми компьютерной грамотности: гендерный аспект	81
<i>Зубкевич Л.А.</i> Взаимосвязь социологических методик измерения бедности и развития человечества.....	90
<i>Балезина Е.А.</i> Положение молодого преподавателя вуза в условиях модернизации высшего образования: риски и их восприятие	99
<i>Безруков А.В.</i> Социальное самоопределение молодежи в современном российском обществе.....	109
<i>Лебедева Л.Г.</i> Социализация личности в дискурсе преемственности поколений	116

Педагогические науки

<i>Валева Р.Р., Давыдов А.Е.</i> Игровые формы профориентационной работы	126
<i>Воскресенская Н.Г., Кузнецова Н.А.</i> Педагогические методы и креативные технологии формирования некоторых общих и профессиональных компетенций магистров-политологов	134
<i>Квашнин С.С.</i> Профессионально-общественная аккредитация образовательных программ финансовой направленности.....	139
<i>Соколов В.М.</i> Возможности оптимизации содержания математических дисциплин в подготовке бакалавра-экономиста	148

УДК 316.346.32-053.6

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2018 г.

А.В. Безруков

Безруков Антон Витальевич, младший научный сотрудник
Пермского центра социального партнерства и социологических исследований
при Пермском государственном национальном исследовательском университете
zaratustra23@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.05.2018

Статья принята к публикации 23.10.2018

Статья посвящена соотношению аксиологических моделей (жизнетворчество, конформизм, самоутверждение, самоотречение) и поведенческих стратегий социального самоопределения в различных сферах самореализации (трудовой, семейной, гражданской). Актуальность темы обуславливается проблематизацией молодежного самоопределения в условиях прогрессирующей неопределенности и плюрализации форм самореализации. Предлагается комплексная концептуализация категории «социальное самоопределение молодежи», описываются его динамическая структура в рамках соотношения процессов социализации и идентификации, основные этапы (интернализация социокультурного контекста, интеллектуальная рефлексия, саморегуляция жизни), элементы (аксиологические модели и поведенческие стратегии социального самоопределения) и виды данного процесса. Под социальным самоопределением понимается процесс внутренних изменений на уровне аксиологических моделей в рамках избираемых поведенческих стратегий. Теоретический анализ основан на материалах эмпирического исследования молодежи, проведенного летом 2017 г. в г. Перми методом анкетирования. Формирование выборки осуществлялось по принципу квотного отбора (пол, возраст, основной род деятельности). В качестве объекта данного исследования выступили молодые люди от 16 до 30 лет. На основе корреляционного анализа выделенных элементов подтверждаются тенденции индивидуализации социального самоопределения современной российской молодежи, обнаруживаются эффекты «обратного» влияния социального давления на возможности «нормативного» социального самоопределения и феномен «бегства от свободы». В заключение анализируются риски самореализации в условиях принудительной модернизации российского общества «сверху» социального управления, когда молодежь утрачивает субъектность, способности и возможности активной самодетерминации своей жизни.

Ключевые слова: социокультурная модернизация, молодежь, социальное самоопределение, поведенческая стратегия социального самоопределения, аксиологическая модель социального самоопределения, самоутверждение, самоотречение, конформизм, жизнетворчество.

Введение

Социокультурные противоречия в современном мире обуславливаются объективной интенсификацией процессов глобализации, с одной стороны, а также обострившимися потребностями в стабилизации и самосохранении, с другой стороны. В свою очередь, очевидное движение от стабильности к неустойчивости, от преемственности к неопределенности, от унифицированности к разнообразию оказывает существенное влияние на процессы социализации и идентификации. Другими словами, прогрессирующая дифференциация общественной жизни обуславливает дифференциацию индивидуальную. Представляется, что на уровне личности происходит переход от линейной модели самоутверждения к нелинейной модели самовыражения и жизнетворчества.

Наиболее показательной социальной группой, по которой можно судить о происходящих явлениях, традиционно является молодежь. С

одной стороны, молодежь активно впитывает в себя все общественные воздействия, ценности и идеалы, чутко реагирует на изменения. С другой стороны, в силу ограниченного характера своего жизненного опыта занимает неустойчивое положение в системе общественных отношений. В условиях интенсивных социальных изменений молодежь сталкивается с проблемой социального самоопределения в пространстве многообразных и противоречивых альтернатив индивидуального и общественного развития.

Таким образом, актуальность социологического исследования процессов социального самоопределения современной российской молодежи обусловлена содержательной неопределенностью провозглашаемой в России социокультурной модернизации и противоречивым статусом молодежи в структуре российского общества.

Опасность неопределенности состоит в том, что она исключает любое рациональное ожидание, надежду и обращенность в будущее, поро-

ждает чувство утраты контроля над настоящим и собственной жизнью. Отмечается, что неуверенность и неопределенность становятся преобладающими в комбинации идентификационных конструктов молодежи [1]. Показательно, что данные некоторых социологических исследований демонстрируют значительный рост опасений молодежи не состояться в жизни, не реализовать свои способности и таланты [2, с. 123].

Одновременно феномен социокультурной размытости ставит молодежь в позицию «стороннего наблюдателя», безразличного к актуальным событиям российского общества. Зачастую современные молодые люди не стремятся, как можно раньше, определить свой жизненный путь и посвятить себя какому-либо делу. Наоборот, они хотят как можно дольше сохранить за собой право выбора, становясь все более индивидуалистичными.

Концептуализация категории «социальное самоопределение молодежи»

Проблема социального самоопределения современной молодежи является довольно обсуждаемой темой в отечественном социально-гуманитарном знании. Одни авторы рассматривают социальное самоопределение в контексте социализации как процесс включения молодого человека во все сферы общественной жизни и достижения относительно равновесного состояния в социальной структуре общества [3, с. 322; 4, с. 261]; другие – более узко, в контексте идентификации с определенной социальной группой или социальной ролью в обществе [5, с. 52; 6, с. 164].

Представляется, однако, что социализация, как наиболее общий процесс, включает в себя и обеспечивает стартовые условия и социальные ресурсы для будущего самоопределения. Идентификация, наоборот, скорее представляет собой «частный случай» процессов социального самоопределения, а идентичность – его достигнутый результат. Если «первичная» социализация сопровождается пассивным усвоением условий сложившегося социального порядка, копированием социальных ролей, то в результате «вторичной» социализации формируется избирательное отношение к миру, ориентированное на формирование и продвижение определенной идентичности. В этой связи третья группа авторов рассматривают проблему социального самоопределения как проблему поиска и выбора субъектом своего образа и способа жизнедеятельности [7, с. 42; 8, с. 65]. Другими словами, социальное самоопределение выступает связующим процессом между социализацией, идентификацией и достигнутой идентичностью.

Важно отметить, что если в предыдущих социально-исторических порядках самоопределение было жестко детерминировано со стороны принуждающих структур, то человек эпохи модерна обращается к возможности рационального выбора открытых для него возможностей, вариантов самореализации и приобретает «модульный характер» [9, с. 59]. Так одномерная идентичность сменяется многофакторной моделью самоопределения, строящейся по многим параллельным признакам, по которым личность может соотнести себя с многообразием социальных групп. «Выбор, понимание, моделирование развития ситуаций и определение возможных последствий – это необходимые характеристики сознания современного человека» [10, с. 40]. Таким образом, способность сделать выбор в современном обществе приобретает наивысшую ценность [11, с. 472], а социальное самоопределение становится необходимостью индивидуального развития.

Временной, активно-деятельностной и исторически обусловленный характер социального самоопределения молодежи задает его динамическую структуру. Во-первых, происходит интернализация условностей внешнего социокультурного контекста, т. е. всей совокупности условий и факторов социализации, сложившихся и господствующих в данном обществе паттернов идентификации, а также социально одобряемых способов самореализации. С функциональной точки зрения этап усвоения обеспечивает необходимый минимум для нормативного социального самоопределения, успешной интеграции молодого субъекта в общество и взаимную коммуникацию поколений.

Во-вторых, усвоенные образцы подвергаются интеллектуальной рефлексии – этап осознания, оценивания, соотношения и отбора когнитивных феноменов окружающей социокультурной среды. Ее результат – определенная позиция субъекта по отношению к себе, к другим, к обществу, к нормативно-ценностной системе, государству и т. д. В качестве интегральной характеристики всей совокупности позиций рассматривается «аксиологическая модель» социального самоопределения, понимаемая как основная направленность разрешения социокультурных противоречий. В результате анализа соотношения ценностей по методике Ш. Шварца на основе эмпирических данных, полученных в ходе шести волн Европейского социального исследования [12], автором статьи были выделены четыре аксиологические модели социального самоопределения современной российской молодежи [13]: 1) «модель самоуверждения» (сочетает в себе амбициозность, успеш-

ность, властность, богатство); 2) «модель самоотречения» (справедливость, понимание, забота, окружающие); 3) «конформистская модель» (нормативность, подчинение, безопасность, скромность); 4) «модель жизнотворчества» (свобода, независимость, риск, новизна).

Наконец, в-третьих, молодой человек в качестве ответа на условия и воздействия окружающей среды осуществляет саморегуляцию жизни. Представляется, что социальная активность, как своего рода апробация значимых принципов «аксиологической модели» на практике, в случае успешной интеракции закрепляет их в «поведенческие стратегии» самореализации молодежи, иначе ставит перед молодым человеком очередную задачу интеллектуальной рефлексии. В свою очередь, наличие, развитость и степень самодетерминации стратегий социального самоопределения является показателем того, насколько молодой человек стал субъектом собственной жизни.

В зависимости от сфер общественной жизни, в контексте которых самоопределение происходит, можно говорить о трех его видах: 1) трудовое самоопределение относительно места в системе производственных отношений; 2) семейно-гендерное самоопределение, которое затрагивает вопросы полоролевого поведения и реализации биосоциальных функций молодого человека; 3) гражданское самоопределение, формируемое по отношению к основаниям коллективной организации и социально-политической включенности молодых людей. Автором статьи в результате кластерного анализа были выделены стратегии социального самоопределения современной молодежи в различных сферах жизни.

Четыре стратегии трудового самоопределения молодых людей включают [14]: 1) стратегию карьерного роста, реализуемую на основе постоянного профессионального развития и проявления инициативы с целью занятия наиболее высоких позиций в социальной структуре общества; 2) стратегию общественной пользы, сопряженную с ориентацией на стабильность работы и благоприятные условия труда; 3) стратегию свободной занятости, основанную на личных интересах и проявлении инициативы в их продвижении и реализации; 4) стратегию исполнения, ориентированную на простоту трудовой деятельности, гарантии рабочей занятости и заработной платы.

Четыре стратегии семейно-гендерного самоопределения [15]: 1) «традиционная многодетная брачная стратегия»; 2) «однородная брачная стратегия»; 3) «брачно-ориентированная стратегия с откладыванием рождения»; 4) «антисемейная (бездетная свободная) стратегия».

Четыре стратегии гражданского самоопределения отражают степень социально-политической активности: 1) «аполитичное безразличие» (опирается на представления о собственном бессилии повлиять на принятие управленческих решений); 2) «нормативная безучастность» (неудовлетворенность определенными аспектами высказывается в пассивной форме); 3) «сопереживание протестующим» (характеризуется критическим отношением к ситуации в стране и готовностью предпринимать легальные действия для ее изменения); 4) «протестная активность» (представители этой группы заметно отличаются явной неудовлетворенностью ситуацией в стране, что актуализирует в них потребность социальных изменений и активизирует готовность участвовать в акциях протеста).

Важной характеристикой выделенных этапов, видов и компонентов социального самоопределения является их взаимодополнительность. Обращаясь к соотношению выделенных аксиологических моделей и поведенческих стратегий социального самоопределения молодежи, можно говорить о двух типах реакций в условиях социальных изменений современности: активной и пассивной. Полная пассивность связана с высоким уровнем конформности, сильной внешней детерминацией жизни и выжидательной позицией, надеждой на то, что все как-то само собой образуется. Активность предполагает различные формы социально-экономической адаптации, связанные с использованием трудового, семейного и гражданского потенциала самореализации. Экспериментальный характер активных реакций, однако, обуславливает склонность и готовность молодежи к рискованным действиям и действиям, не одобряемым в обществе, а в широком смысле – «природной аномии молодости по отношению к социальной норме как «чужому» регулятору поведения» [16, с. 64]. Другими словами, активная реакция обуславливает поляризацию молодежи на «противников» и «проводников» социокультурной модернизации российского общества.

Соотношение полученных показателей позволит понять: 1) как модель самоопределения детерминирует поведение; 2) какие следствия вытекают из следования им; 3) каких солидарных действий следует ожидать; 4) каковы потенциал молодежи в качестве проводника социокультурной модернизации современного российского общества и риски индивидуализации ее социального самоопределения. Основная гипотеза при этом состоит в сохраняющейся внешней детерминации (социальной предписанности) и гражданской пассивности традиционных моделей самоопределения и, наоборот,

**Связь аксиологических моделей и стратегий социального самоопределения,
коэффициенты корреляции Спирмена**

Стратегии/Модели	Жизнетворчество	Конформизм	Самоутверждение	Самоотречение
Стратегия карьерного роста	0.347***	0.109**	0.248***	0.231**
Стратегия общественной пользы	0.095*	0.360***	0.104**	0.393***
Стратегия свободной занятости	0.350***	0.037	0.255***	0.139**
Стратегия исполнения	0.113*	0.290***	0.212***	0.248***
Миграционная активность	0.254***	-0.140**	0.125*	0.063
Семейно-гендерное самоопределение	-0.130***	0.169***	-0.035	0.124***
Протестная активность	0.141*	-0.127*	0.031	0.007
Уверенность в будущем	0.215**	-0.009	0.262**	0.024
Отношение к конкуренции	0.181***	-0.115**	0.107**	-0.027
Восприятие инноваций	0.158***	-0.071	-0.022	0.067
Готовность жертвовать личными интересами	-0.065	0.055	-0.116***	0.186***
Необходимость реформ	0.148***	-0.092**	0.114**	-0.102**

Выделены статистически значимые связи. *** Корреляция значима на уровне 0.001. ** Корреляция значима на уровне 0.01. * Корреляция значима на уровне 0.05.

выраженной самодетерминации и гражданской активности моделей, ценностно-ориентированных на социальные изменения, что актуализирует их в контексте социокультурной модернизации современного российского общества.

Результаты исследования и выявленные тенденции

Анализ корреляций позволяет проследить некоторые тенденции. Во-первых, наибольшей силой отличаются коэффициенты связи аксиологических моделей со стратегиями трудового самоопределения. Молодые респонденты, аксиологически ориентированные на модели «конформизма» и «самоотречения», в профессиональном плане чаще избирают исполнительскую и общественно полезную трудовую деятельность при ведущей роли последней. В противоположность им, молодые люди, ориентированные на аксиологические модели «жизнетворчества» и «самоутверждения», прежде всего, в профессиональном плане, чаще направлены на карьеру и личные интересы, соответственно, при ведущей роли последних. В результате, в поисках лучших мест для профессиональной самореализации эта группа молодых людей демонстрирует направленность на возможность миграции (см. табл.). Особенно это характеризует молодых «фрилансеров» 16–19 лет и «карьеристов» 20–24 лет. Вне зависимости от иерархии ценностей представители старшей возрастной группы молодежи не проявляют заметной миграционной активности.

Интересно, что у представителей средней возрастной группы молодежи (20–24 года) вы-

сокая значимость ценностей «самоотречения» сопряжена с мотивацией на карьеру, тогда как значимость ценностей «самоутверждения» – на исполнение. Данные группы молодежи отличаются рабочий статус занятости (или совмещающей учебу с работой), противоречивый (экстернальный в первом случае и интернальный во втором случае) локус контроля, относительно низкая значимость свободы на фоне повышенной важности «независимости». В результате, можно утверждать, что выявленное противоречие показательно отражает феномен «бегства от свободы» [17], когда первые отчуждаются от себя в пользу карьеры, а вторые самоутверждаются посредством достижения краткосрочных целей (обеспечивающих независимость). Представляется, что такая стратегия исключает возможности индивидуального роста и развития в будущем.

Во-вторых, анализ связи аксиологических моделей со стратегиями семейного самоопределения выявляет направленность моделей конформизма и самоотречения на «традиционные» стратегии семейного самоопределения, т. е. официальное закрепление брачных отношений и рождение более одного ребенка. В данном случае, прежде всего, речь идет о старшей молодежи (25–30 лет). Ориентированные на аксиологическую модель жинетворчества, наоборот, чаще реализуют «современные» стратегии семейного самоопределения, т. е. отдают предпочтение свободным брачным и/или внебрачным отношениям и однодетному или антидетному репродуктивному сценарию (см. табл.). Последнее является особенно актуальным для младшей молодежи (16–19 лет). Модель само-

утверждения по данному параметру не обнаруживает значимой связи, вероятно, в связи с тем, что в условиях жесткой экономической конкуренции семья одновременно может выступать и как способ самореализации (прежде всего родительская семья), и как ограничивающий ее фактор.

В-третьих, относительно гражданской активности, аксиологическая модель жизнетворчества демонстрирует, хотя и весьма слабую, но статистически значимую, направленность на проявление протестной активности (см. табл.). Подобная ориентация делает данную группу молодежи, у которой на вершине ценностной иерархии расположены свобода и новизна, не только наиболее активной группой населения в социальных изменениях, но и группой, представляющей наибольший риск в связи с возможностью манипулирования сознанием молодых людей со стороны деструктивных акторов общественных отношений.

Анализу возможностей социального давления в исследовании было уделено отдельное внимание. Конформизации молодежи способствует факт активной социальной поддержки со стороны родителей. Наоборот, направленность на жизнетворчество обнаруживает наибольшую поддержку среди друзей и сверстников. Солидаризация молодежи находит свое отражение как со стороны родителей, так и со стороны друзей.

Обнаруживается зависимость направленности стратегий самореализации молодежи в вопросах трудового, семейного и гражданского самоопределения от субъективного ощущения социального давления. Так, факт социального давления со стороны внешних субъектов (родителей, друзей, руководства по месту основной занятости, общественного мнения в целом) обуславливает тенденцию к самоопределению за рамками социальной нормативности. Показательно в этой связи, что в первую очередь группу потенциального протеста составляют молодые люди от 16 до 19 лет, у которых ощущение социального давления вступает в конфликт с повышенной значимостью ценностей «жизнетворчества».

Интересно, что факт отсутствия в ближайшем окружении молодого человека группы единомышленников отрицательно сказывается на «нормативной» направленности самоопределения молодого человека. Наиболее сильной детерминантой направленности на «себя», однако, выступает ощущение полного отсутствия социальной поддержки. Последние демонстрируют наименьшую уверенность в будущем, возможность миграции, критику положения дел в стране и направленность на социальные изме-

нения. Как следствие, молодые люди, лишенные какой-либо поддержки, проявляют тенденции к реализации своего протестного потенциала.

Наконец, ориентированные на модели жизнетворчества и самоутверждения молодые люди демонстрируют наибольшую уверенность в будущем (см. табл.). Последняя сопряжена с более позитивным восприятием конкурентных условий и социальных изменений современности.

В результате проведенного анализа подтверждается гипотетическая поляризация молодежи как социальной группы. Можно говорить о двух группах молодежи в контексте социальных изменений современности: «традиционалисты» и «модернисты». Первые аксиологически ориентированы на модели конформизма и самоотречения, а в поведенческом плане – на «нормативные» стратегии самореализации, не нарушающие устоявшегося социального порядка. Вторые аксиологически ориентированы на модели жизнетворчества и самоутверждения, а в поведенческом плане – на современные стратегии самореализации, зачастую идущие вразрез с коллективистскими установками и потребностями общественной стабильности. Такая направленность позволяет «модернистам», с одной стороны, с опорой на уверенность в будущем выступать проводниками социальных инноваций, с другой стороны, обостряет угрозу всплеска протестной молодежной активности на основе критики, неудовлетворенности социально-экономической ситуацией в стране, ощущения социального давления и социального исключения.

Выводы

Таким образом, социальное самоопределение выступает связующим звеном между процессами социализации и идентификации. Если при рассмотрении молодежи как объекта социализации социальное самоопределение проявляется как мера отношения к своему социальному положению, то при ее рассмотрении в качестве активного субъекта общественной жизни социальное самоопределение представляет процесс выбора и саморегуляции жизни на основе соотношения личных потребностей и общественных требований.

Поскольку «сама жизнь общества – есть противоречивое единство традиций и инноваций» [18], постольку полученные данные демонстрируют, что сочетание традиций и процессов модернизации, с одной стороны, приводит к унификации смысловых моделей и расширению возможностей для самоопределения и социокультурного пространства выбора пове-

денческих стратегий самореализации, с другой стороны, актуализирует потребности в уверенности и стабильности. При этом проводниками нормативного социального самоопределения выступают семейные отношения, а проводниками самореализации – знакомства и дружеские отношения.

Усиление потребности в социальных изменениях обуславливает приверженность индивидуализированным способам самореализации. В качестве последних рассматриваются карьеристские и фрилансерские стратегии трудового самоопределения, партнерские и малолетние стратегии семейно-гендерного самоопределения, а также протестные стратегии гражданского самоопределения. В свою очередь, противоречие традиций и глобализации приводит ориентированную на социальные изменения молодежь к угрозе исключенности локальной, т. е. на уровне патриархального российского общества, против включенности глобальной, т. е. на уровне актуальных социальных трансформаций современности.

Социокультурная модернизация российского общества в этом смысле выступает как «процесс-бумеранг», поскольку смысл ее ясен, но последствия противоречивы. Проблема в том, что современная отечественная модернизация во многом выступает как экзогенный, т. е. внешне обусловленный процесс, тогда как самоопределение молодежи – эндогенный, раскрывающий внутренние потенции в данном времени и пространстве.

Список литературы

1. Гучетль А.Р., Безрукова А.А. Социокультурные конструкты идентичности современной студенческой молодежи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 2. С. 99–104.
2. Зернов Д.В., Иудин А.А., Овсянников А.А. Молодежь на обломках СССР (1991–2013) // Наука и школа. 2015. № 2. С. 121–138.
3. Левичева В.Ф. Социальное самоопределение молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 322–324.
4. Сычева Т.Б. Самоопределение молодежи как процесс формирования жизненной позиции личности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 3 (3). С. 261–267.
5. Шарова Е.Н., Мулина Т.В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 8. № 1. С. 50–68.
6. Русанова А.А. Профессиональное самоопределение в структуре социального самоопределения студенческой молодежи (социологический анализ) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 4. С. 163–172.
7. Акбарова А.А. Социальная активность как элемент социального самоопределения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. 1 (13). С. 41–45.
8. Пашкевич В.В. Нравственное самоопределение студенческой молодежи: представления, стратегии, ориентации // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2014. № 2(263). С. 64–68.
9. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 146 с.
10. Веселкова Н.В., Ершова Н.В., Прямикова Е.В. Растянутое взросление // Отечественные записки. 2014. № 5 (62). С. 37–48.
11. Захарова Л.Н. Личность в условиях трансформации общества // Современный ученый. 2017. № 5. С. 471–473.
12. The European Social Survey [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 03.06.2016).
13. Безруков А.В. Стратегии социального самоопределения молодежи в рамках аксиологических противоречий переходного российского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4 (28). С. 111–120.
14. Безруков А.В. Стратегии трудового самоопределения молодежи (на примере исследования молодежи г. Перми) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. Вып. 1. С. 283–289.
15. Безруков А.В. Стратегии семейного самоопределения молодежи (на примере исследования молодежи г. Перми) // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (6–7 декабря 2017 г.). Пермь, 2017. С. 183–186.
16. Луков В.А. Теории молодежи: апология их неисчерпаемости // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 58–65.
17. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. Г.Ф. Швейник. М.: Изд-во «АСТ», 2011. 288 с.
18. Стовба А.В., Соколов В.М. Проблемы инновационного развития российского общества [Электронный научный журнал] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20704> (дата обращения: 24.02.2018).

SOCIAL SELF-DETERMINATION OF YOUTH IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY*A.V. Bezrukov*

Perm State National Research University

The article examines the correlation of axiological models (life-creation, conformism, self-affirmation, self-renunciation) and behavioral strategies of the social self-determination in various self-realization spheres (labor, family, civil). The relevance of the topic is determined by the problematization of the youth self-determination in conditions of progressive uncertainty and pluralization of the forms of self-realization. A complex conceptualization of the category «youth social self-determination» is proposed. We describe its dynamic structure within the framework of the correlation of the processes of socialization and identification, along with its main stages (internalization of the sociocultural context, intellectual reflection, self-regulation of life) and elements (axiological models and behavioral strategies) and types of this process. Thus, social self-determination is understood as a process of internal changes at the level of «axiological models» with the aim of external active adaptation and self-realization within the framework of chosen «behavioral strategies». The analysis is based on the materials of a sociological survey using a quota sample (sex, age, main activity) of young people aged 16 to 30 that was conducted in the summer of 2017 in Perm. On the basis of the correlation analysis, the tendencies of individualization of the social self-determination of contemporary Russian youth are confirmed, the effects of the «reverse» influence of social pressure on the possibilities of «normative» social self-determination and the phenomena of «escape from freedom» are revealed. The risks of self-realization are analyzed in the context of the forced modernization of Russian society imposed from the top of social management downwards, when young people lose their subjectivity, abilities and opportunities for active self-determination of their life.

Keywords: socio-cultural modernization, youth, social self-determination, behavioral strategy of social self-determination, axiological model of social self-determination, self-affirmation, self-renunciation, conformism, life-creation.